

STUDIA PHILOLOGICA

Г. И. Кустова

ТИПЫ
ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
И МЕХАНИЗМЫ
ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031

К 94

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-04-16066

Кустова Г. И.

К 94 Типы производных значений и механизмы языкового расширения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — (Studia Philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0022-9

В книге описаны типы производных значений слов разных семантических и грамматических классов и механизмы их образования. Первая часть посвящена глагольной лексике, обозначающей физические ситуации и физические воздействия. Рассмотрены типы неметафорических и метафорических значений основных групп глаголов физического действия. Вторая часть посвящена механизмам образования производных значений слов, описывающих внутреннюю сферу человека (ощущения, эмоции, восприятие, знание). Показано, что эти механизмы едины для глагольной и неглагольной лексики.

Книга рассчитана на языковедов, а также преподавателей и студентов филологических специальностей.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина К. Малевича
«Спортсмены (Супрематизм в контуре спортсменов)» (1928—1932 гг.)*

Галина Ивановна Кустова
ТИПЫ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ И
МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ

Издатель А. Кошелев
Художественное оформление обложки
Ю. Сасвича и С. Жигалкина
Корректор Ю. Гизатулина

Подписано в печать 20.07.2004. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 29,5. Тираж 1000. Заказ № 1780.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: lrc@comtv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-ncf.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-9551-0022-9

9 785955 100227

© Кустова Г. И., 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Оглавление

Предисловие	9
Введение	
Проблемы лингвистического описания полисемии	
1. Полисемия и синонимия	14
2. Полисемия в словарях и лингвистических описаниях (Существует ли полисемия?)	15
3. Язык — это механизм	19
4. Когнитивные основания полисемии	22
5. Основной фонд	23
6. О единстве механизмов семантического сдвига	25
7. Когнитивные и «упаковочные» механизмы: акцентирование и смещение	28
8. Семантический потенциал и семантическая парадигма многозначного слова	29
Часть I. Глаголы физического действия: модели значений и механизмы деривации	
Глава 1. Концептуальный аппарат описания глагольных значений	35
1. Внеязыковая реальность	35
2. Когнитивная модель ситуации	36
3. Прототипическая ситуация как источник смыслов и условие единства многозначного слова	39
4. Категориальные свойства актантов и типы пространств	41
5. Модели значений каузативных глаголов	42
5.1. Каузация	43
5.2. «Внутренняя форма»	44
5.3. Глаголы способа и глаголы результата	46
6. Стратегии семантической деривации	52
7. Заключение	58

Глава 2. Типы производных значений и механизмы семантической деривации глаголов действия НСВ (семантический потенциал способа)	60
1. Способы представления значений	60
2. Роли участников как «упаковочная» категория	63
3. Схемы толкования глаголов способа	66
4. Семантическая парадигма глаголов способа	70
4.1. Аргументная стратегия — актантная (внутренняя) метонимия	70
4.2. Компонентная стратегия — денотативная аналогия	72
4.3. Импликативная стратегия экспериенциальное следствие	74
4.4. Основная и расширенная парадигма глаголов НСВ	77
Глава 3. Импликативный потенциал изменения	79
1. «Элементы» смысла	79
2. Семантические типы изменений и семантические классы глаголов	80
3. Смысл изменения	91
Глава 4. Семантический потенциал и семантическая парадигма глаголов действия СВ	94
1. Факторы, определяющие значение глагола СВ	94
2. Семантические варианты и импликативный потенциал схемы «Ликвидация контакта Объекта с Местом / удаление Объекта»	99
2.1. Удаление Вещества с Поверхности	100
2.2. Перемещение / удаление Объекта из фиксированного исходного положения / из контейнера	111
2.3. Импликативный потенциал глаголов деформации	115
3. Активизация импликаций как механизм семантической деривации	118
Глава 5. Семантические модели производных значений глаголов перемещения объекта	122
1. Глаголы контролируемого перемещения <i>ставить</i> и <i>класть</i> : механизмы образования неметафорических значений	122
2. Импликативный потенциал глаголов бесконтактного перемещения (группа БРОСИТЬ)	155
3. Номинативный акцент как источник полисемии (<i>тянуть</i>)	171

---

4. Импликативный потенциал ситуации «держать» в производных значениях глаголов группы ДЕРЖАТЬ.....	189
5. Проблема инварианта и «память» значения	197
Часть II. Механизмы семантического расширения в экспериенциальной сфере	
Введение.....	211
Глава 6. Семантические модели глаголов результата, глаголов интерпретации и глаголов отношения	214
1. Коммуникативная структура значения глаголов с событийным каузатором (глаголы косвенного результата и отрицание)	214
2. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение.....	232
3. Полисемия информационных глаголов и семантика пропозитивной конструкции	241
4. Семантическая парадигма глаголов отношения (<i>хранить</i>).....	250
Глава 7. Производные экспериенциальные значения глаголов действия.....	267
1. Экспериенциальные значения глаголов физического воздействия: ощущение	267
2. Восприятие.....	274
3. Ментальные состояния и пропозициональные установки.....	276
Глава 8. Стратегии семантической деривации в экспериенциальной сфере: семантические рефлекссы тяжести	279
1. Параметрические и экспериенциальные прилагательные	280
2. Свойство «тяжелый» и прототипическая ситуация «тяжело»	283
3. Импликации прототипической ситуации воздействия тяжести	286
4. Система значений прилагательного <i>тяжелый</i>	293
5. Структура многозначности прилагательного <i>тяжелый</i> и стратегии семантической деривации в экспериенциальной сфере	304
Глава 9. Типы производных значений слов с экспериенциальной семантикой.....	308

I. Производные значения эмоциональных слов.....	309
1. Морфологическая парадигма эмоциональных слов	310
2. Схема эмоциональной ситуации и типы производных значений эмоциональных слов	312
3. Семантические классы эмоциональных слов: обзор контекстов и значений	313
4. Различия в семантической парадигме как отражение различий в организации исходного значения	317
II. Семантическая парадигма экспериенциальных каузативов и способы выражения связи с причиной.....	320
1. Экспериенциальная каузация и экспериенциальная реакция.....	320
2. Слова группы <i>страшно / смешно</i> на фоне глагольных дериватов	322
3. Отражение семантической двухвалентности в языковом поведении слов группы <i>страшно / смешно</i>	328
Глава 10. Пространство — восприятие — Наблюдатель	337
1. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы	337
2. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия).....	346
3. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (класс ПОПАСТЬ)....	372
4. Модификации когнитивной схемы в значениях предлога (семантическая сеть предлога <i>на</i>)	381
Итоги	396
Литература	428
Предметный указатель.....	452
Лексический указатель	462

Предисловие

Эта книга посвящена исследованию основных типов производных значений слов и основных семантических механизмов их образования.

Оживление интереса к полисемии в последние десятилетия является одним из закономерных результатов смены ценностей и ориентиров в науке о языке «постструктуралистской» эпохи.

Идеология структурализма делала акцент на внутренних, имманентных законах языка (это неизбежно приводило к автономизации языка, «обособлению» его как от мира, так и от человека, но в тот период именно такой акцент был продуктивным).

Одним из следствий этой идеологии был «списочный» подход к описанию полисемии, когда значения многозначного слова представляются как «список», перечень автономных единиц — лексем, — каждая из которых имеет свой собственный набор семантических, грамматических и сочетаемостных характеристик, но при этом не «обязана» иметь связей и общих компонентов с другими лексемами. У такого подхода, безусловно, есть своя логика, свои зоны и свои — очень важные — результаты. Однако остается ряд проблем, которые не вписываются в эту логику.

Например, традиционная проблема единства многозначного слова, то есть связей между значениями (сохранение таких связей считается главным критерием отграничения полисемии от омонимии — распада многозначного слова на отдельные слова), при списочном подходе, вообще говоря, не возникает, так как лексемы с самого начала являются омонимами — отдельными словами, независимыми друг от друга.

Во-вторых, за рамками списочного подхода остается проблема механизмов образования новых значений (а они постоянно появляются) — точнее, эта проблема неактуальна, так как значения рассматриваются как уже готовые продукты работы этих механизмов.

Наконец, списочный подход не дает и не предполагает объяснения того, как человек хранит в памяти десятки (или сотни?) тысяч совершенно не связанных друг с другом значений и оперативно извлекает их по мере необходимости.

Новые акценты и стратегии, свойственные современным лингвистическим теориям, можно коротко определить как «поворот к человеку» (что имеет своим результатом восстановление связи языка не только с человеком, но и с миром).

В отечественном языкознании одной из главных составляющих этой новой парадигмы является концепция языковой (наивной) картины мира, развиваемая в работах представителей Московской семантической школы, прежде всего — в работах Ю. Д. Апресяна [1986а; 1995а и др.], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев 1997; Шмелев 2002], Е. В. Урысон [1995б; 1998а; 1999] и др. В том же русле находятся исследования лингвоспецифичных слов и культурных концептов, представляющих ключевые фрагменты русской языковой картины мира (ср. работы Н. Д. Арутюновой [1998], А. Д. Шмелева [2002] и др.; в этом контексте нельзя не упомянуть работы А. Вежицкой [Wierzbicka 1972; 1980а; 1985; 1988; 1991; 1992; Вежицкая 1996; 1999; 2001], исследующей культурные концепты и культурные стратегии на материале разных языков, в том числе и русского).

Когнитивная лингвистика развивает идею отражения человека в языке и влияния внутренних механизмов человека (моторных, перцептивных, когнитивных) на устройство языка в целом и поведение отдельных языковых единиц и подсистем. Представители этого направления (К. Ванделуаз, Дж. Грэйди, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Дж. Тэйлор, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, Б. Хоккинс и др.), наряду с разработкой общих принципов когнитивного подхода, много внимания уделяют проблемам полисемии, которая занимает особое и важное место в когнитивных механизмах языка. В отечественной лингвистике когнитивный подход является результатом не только взаимодействия с соответствующими зарубежными теориями, но и внутреннего развития, вектор которого направлен от формально-описательного принципа к объяснительному (ср. работы Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной и, особенно, А. Е. Кибрика [Кибрик 1983; 1992; 2003], который применяет когнитивный и функциональный подход в типологическом описании разноструктурных языков).

В этой книге проблема полисемии рассматривается в рамках когнитивного подхода и с позиций антропоцентричности как фундаментального свойства естественного языка, пронизывающего все его уровни и системы.

Когнитивный подход к описанию полисемии предполагает не инвентаризацию и классификацию существующих значений, а вы-

явление общих закономерностей работы самого механизма их образования. Это позволяет восстановить связи между значениями слова и представить их как единую систему.

Основная теоретическая предпосылка данной работы состоит в том, что причина самого существования полисемии в естественном языке — когнитивная: полисемия — это одно из основных средств концептуализации нового опыта. Человек не может понять нового, не имея какого-то «данного», поэтому он вынужден использовать «старые» знаки и приспособлять их к новым функциям, распространять их на другие ситуации. Этот процесс называется в книге процессом языкового расширения.

Одной из главных задач исследования полисемии (в том числе и в данной работе) является описание своего рода «когнитивного словаря», то есть тех концептуальных структур, которые связаны с языковыми знаками (и соответствующими им ситуациями) и благодаря которым эти знаки можно распространить на другие ситуации, и «когнитивной грамматики», то есть тех правил и механизмов, которые определяют такое распространение (языковое расширение).

Ключевым для концептуального аппарата этой работы является понятие семантического потенциала слова. Оно включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту.

Реализацией семантического потенциала является семантическая парадигма слова — набор значений определенных типов, которые в большинстве своем являются закономерным (и во многом предсказуемым) результатом применения основных стратегий семантической деривации к семантическому материалу исходного значения и связанной с ним ситуации.

Семантический потенциал слова во многом определяется тем, какую сферу внесыковой реальности оно описывает — энергетическую, то есть сферу физических ситуаций, в том числе — энергетических воздействий человека на мир, или экспериенциальную (информационную), то есть сферу воздействия мира на человека, его органы восприятия и сознание и возникающих в результате этого внутренних состояний и реакций.

Семантически богатые (в смысле набора актантов и компонентов) слова энергетической сферы описывают наблюдаемые физические ситуации с множеством признаков, которые можно использовать для концептуализации других ситуаций; семантически бедные слова экспериенциальной сферы описывают непосредственно не на-

блюдаемые внутренние состояния человека, не имеющие аналогов во внешнем мире. Поэтому семантические парадигмы и механизмы языкового расширения у слов энергетической и экспериенциальной сферы существенно отличаются.

При описании закономерностей образования производных значений у слов энергетической сферы (в книге она представлена разными классами глаголов физического действия) концептуальной основой послужили понятия прототипической ситуации, имплицативного потенциала, семантической модели значения. Для экспериенциальной сферы очень важным оказалось понятие экспериенциальной каузации, позволяющее описывать закономерности семантических сдвигов в значениях слов, исходно характеризующих реакции человека (физиологические, эмоциональные, перцептивные).

Большую роль в работе над этой книгой сыграло мое участие в проекте «Лексикограф», руководителем которого является Е. В. Падучева. В рамках этого проекта была разработана идеология представления глагольных значений в лексической базе данных, ориентированная прежде всего на отражение регулярных связей между значениями. Эта идеология используется в I части книги. Постепенно (и неизбежно) возникла необходимость выйти за рамки глагольной лексики и попытаться обнаружить общие механизмы, действующие на всем пространстве лексики — как глагольной, так и неглагольной. С расширением языкового материала потребовалось расширить и концептуальный аппарат — прежде всего за счет таких понятий когнитивной теории, как языковое расширение (*extention*) и семантическая сеть.

Постоянным стимулом в работе над этой книгой было не только желание понять, как устроена полисемия в естественном языке, но и плодотворное научное общение с коллегами и друзьями, которых я хочу поблагодарить.

Я благодарю Ю. Д. Апресяна и Н. Д. Арутюнову, а также всех участников семинара по теоретической семантике под руководством Ю. Д. Апресяна и проблемной группы «Логический анализ языка» Н. Д. Арутюновой за доброжелательное и конструктивное обсуждение моих докладов и публикаций. Я благодарю И. М. Богуславского, А. Е. Кибрика, Г. Е. Крейдлина и В. А. Плунгяна, которые прочитали эту работу и высказали ряд интересных соображений.

Хочу поблагодарить коллег по международному лексикологическому проекту под эгидой Польской академии наук проф. Ренату Гжегорчикову и д-ра Магдалену Данилевичову, а также американ-

ских коллег и друзей, прежде всего проф. Университета Северной Каролины Лору Янду.

Очень важным для меня и в человеческом, и в научном плане было общение с участниками проекта «Лексикограф» Е. В. Рахилиной, Р. И. Розиной, С. Ю. Семеновой, М. В. Филипенко, Е. Н. Хасиной. Особую благодарность хочу выразить Елене Викторовне Падучевой за созданную ею атмосферу человеческой теплоты и поддержки, которая объединяет участников проекта и помогает в решении не только научных, но и жизненных проблем.

Работа над книгой на разных этапах поддерживалась научными фондами: Российским гуманитарным научным фондом, Институтом «Открытое общество» и фондом INTAS, — которым я также выражаю признательность.

1. Полисемия и синонимия

В естественном языке разные знаки могут обозначать один и тот же предмет или ситуацию (синонимия), а один и тот же знак может обозначать разные предметы или ситуации (полисемия). Синонимия и полисемия, таким образом, являются важнейшими свойствами естественного языка. Однако в лингвистических описаниях положение синонимии и полисемии оказывается неравноправным и несимметричным.

Синонимия рассматривается как явление безусловно желательное: это преимущество, богатство выразительных возможностей. Синонимия отвечает потребности говорящих иметь разные способы представления одной и той же ситуации, выделения и подчеркивания разных признаков, аспектов, «оттенков». Поэтому говорящие заинтересованы в том, чтобы иметь как можно больше синонимов.

Полисемия рассматривается как явление, скорее, вынужденное. Во-первых, человек как будто бы специально не заинтересован в увеличении количества значений слова. Во-вторых, полисемия является следствием «вторичного», многократного использования одного и того же слова, результатом того, что исходный знак применяется к новому явлению, для которого он первоначально не был предназначен. Во внеязыковой сфере этому соответствовала бы ситуация использования предмета с определенной функцией не по назначению и в несвойственных функциях, — как если бы, например, человек использовал шинель, предназначенную для того, чтобы быть одеждой военных, для того, чтобы ею укрываться (вместо одеяла), вешать на окна (вместо занавески), класть под голову (вместо подушки), затыкать щели, носить ее в качестве знака принадлежности к военному сословию, не будучи военным, и т. п.

В обычной жизни человек, как правило, поступает иначе — он изготавливает специальные предметы со специальными функциями. И в языке, казалось бы, более логично было бы иметь специальное

обозначение для каждого явления, — образно говоря, шить одеяло, вместо того чтобы укрываться шинелью.

С другой стороны, в результате такого многократного «перенесения» и приспособления к новым референтам слова, как известно, теряют значительную часть своей исходной семантики («выветриваются»), фразеологизируются и грамматикализируются, т. е. постепенно превращаются в формальные, почти асемантические единицы, что не только многие поэты, но и многие лингвисты рассматривали как «порчу» языка и «смерть» слова (ср. [Белый 1910], ср. также идею жизненного цикла слова в [Поликарпов 1995]).

Если подходить к явлению полисемии с таких позиций, то она оказывается полной противоположностью синонимии: в синонимии человек заинтересован, а с полисемией он, скорее, вынужден мириться.

2. Полисемия в словарях и лингвистических описаниях (Существует ли полисемия?)

В лингвистических теориях и даже в словарях полисемия нередко предстает как явление, имеющее сомнительные преимущества, но представляющее несомненные неудобства для лингвистического описания. Хуже полисемии может быть только омонимия — явный дефект языкового кода. Полисемия же нередко представляется как преддверие омонимии, а по способам описания в лингвистических работах и способам представления в словарях она иногда просто не отличается от омонимии.

Трудно себе представить лингвиста, который решил бы утверждать, что синонимии не существует. Однако есть очень много лингвистов (и среди них весьма заметные фигуры в истории науки о языке), которые утверждали (с разной степенью категоричности), что полисемии (как синхронного явления) не существует.

Один из ярких представителей этой точки зрения, А. А. Потебня, считал, что полисемия — это диахроническое явление, факт истории языка: внутренняя форма (признак исходного значения в новом значении) постепенно «угасает», вместе с ней угасает связь между значениями, производное значение обособляется от исходного и происходит распад слова на омонимы (ср. [Потебня 1862 / 1989]).

Практика словарного представления значений многозначного слова очень часто подтверждает эту теорию. Хотя составителей сло-

варей никак нельзя заподозрить в отрицании полисемии, тем не менее в словарях можно обнаружить сколько угодно наглядных иллюстраций тезиса, что значения многозначного слова не связаны между собой.

Каков главный критерий полисемии? Принято считать, что полисемия имеет место до тех пор, пока прослеживается семантическая СВЯЗЬ между значениями, если такая связь утрачивается, происходит распад слова на омонимы — разные слова. Но в чем должна выражаться эта связь? В первую очередь, по-видимому, в том, что значения обнаруживают какие-то ОБЩИЕ семантические компоненты, имеют общую часть (ср. [Аничков 1997а: 349; Апресян 1974: 186—187; Васильев 1990: 142—151; Вейнрейх 1981: 77—78; Кузнецова 1989; Курилович 1955; Новиков 1982; Новиков и др. 1987: 41—42]).

В действительности это требование слишком слабое, и просто наличия общих компонентов совершенно недостаточно: ведь общие компоненты имеют и синонимы, и антонимы, и слова одного семантического класса (и даже разных семантических классов!). Но даже это слабое требование в словарях не всегда выдерживается. Совершенно массовой и стандартной для словарных толкований является ситуация, когда производное значение не имеет НИКАКИХ общих признаков (компонентов) с исходным, ср., например, два значения глагола *тянуть* из [МАС]: ‘веять, обдавать (каким-л. запахом, теплом, холодом и т. п.)’ (*тянет свежестью / сыростью / гарью*) vs. ‘взяв, ухватив край, конец чего-л., перемещать, приближать к себе с силой, усилием’ (*тянуть канат; Мать тянула ребенка за руку к столу*).

Если бы мы таким же образом, то есть без общих компонентов, истолковали синонимический ряд, то мы не могли бы говорить ни о какой синонимии. У синонимов обязательно должны быть общие компоненты, иначе это просто не синонимы. А у значений многозначного слова — оказывается, не обязательно. Что же, в таком случае, их объединяет? Получается, что только форма, план выражения: *тянуть гарью* и *тянуть канат* — одно слово, потому что у них одинаковый план выражения — *тянуть*. Но тогда это омонимы, что и утверждал А. А. Потебня.

Разумеется, в словарях встречаются и такие пары значений, в которых легко прослеживаются «родственные» связи в виде общих компонентов. Однако в принципе это ничего не меняет. Существенно, что многие производные значения можно истолковать без обращения к исходному, то есть нет необходимости использовать материал исходного значения.